

Чжао Чжэньчжэнь поднесла флакон к самому носу, якобы приняхиваясь к лекарству, но сама пристально разглядывала сына.

Хэ Сюэчжэнь сразу понял, о чём она думает:

— С рассудком у меня всё в порядке, матушка.

Чжао Чжэньчжэнь закупорила флакон и посерьёзнела:

— Если спросишь меня, то этот Цуй Чжи тебе и в подмётки не годится. Мой Чжэнь-эр — сокровище, какого ни на земле, ни под небесами не сыщешь! Кто такой этот Цуй Чжи? Да он твоего мизинца не стоит. Но... вспомни, как ты сам упрявился, как требовал этой помолвки, как уши развесил и света белого из-за него не видел. Я тогда подумала: раз уж сыночку так хочется, то пускай, материнское сердце не камень. Сама заставила твоего отца отправить сватов. Почему же ты теперь передумал? Разлюбил его, что ли?

Хэ Сюэчжэнь кивнул:

— Да. Больше он мне не нужен.

— И жалеть не станешь?

— Ни одной секунды.

— Вот и славно, — кивнула Чжао Чжэньчжэнь. — Раз мой Чжэнь-эр так решил, я сейчас же пойду к твоему отцу и заставлю его расторгнуть эту помолвку.

Таков уж был её нрав: если дело касалось счастья единственного сына, никакие последствия её не заботили. Всучив Хэ Сюэчжэню целую грудку целебных снадобий и наскоро дав ещё несколько напутствий, она поспешила прочь — улаживать дело с мужем.

Хэ Сюэчжэнь перебрал склянки с мазями и пилюлями. Его дед по материнской линии, Чжао Доучун, правил Даосским дворцом Спокойной Мудрости и славился как непревзойдённый мастер алхимии. Души не чая во внуке, старик присылал ему лишь редчайшие снадобья, за которые любой заклинатель охотно перегрыз бы глотку.

Хэ Сюэчжэнь с самого рождения носил в крови неизлечимый демонический яд. Каждые десять лет отрава пробуждалась, и обуздать её могла лишь Первозданная пилюля, созданная руками Чжао Доучуна. Увы, позже дед лишился двоих сыновей, от горя потерял рассудок и вскоре погиб при загадочных обстоятельствах. Секрет изготовления пилюль ушёл вместе с ним в могилу. С тех пор каждая крупинка этого лекарства была на вес золота. Десятилетиями Хэ Сюэчжэнь тщетно искал иную замену, и когда в прошлой жизни он узнал, что Цуй Чжи отдал последнюю Первозданную пилюлю Фань Сюэпину ради пустяковой раны, его захлестнула

неописуемая ярость.

А ведь ту рану Фань Сюэпин получил от него самого. Этот наглец явился в Бездну Спокойных Вод, без спросу ввалился в покои Сюэчжэня и принялся шарить по его вещам. Будучи натурой ревностной и не терпящей посягательств на личное пространство, Хэ Сюэчжэнь проучил наглеца. Он прекрасно помнил силу каждого своего удара и знал, что повреждения были сущими пустяками. Фань Сюэпин и близко не нуждался в таком бесценном сокровище, как Первозданная пилюля!

От одних лишь мыслей об этой сладкой парочке к горлу подкатывала тошнота. После расторжения помолвки он навсегда вычеркнет Цуй Чжи из своей жизни. Что же касается Фань Сюэпина... этот двуличный змеёныш слишком долго вынашивал свои гнилые замыслы. С ним нужно покончить как можно скорее.

Приведя в порядок одежду и причёску, Хэ Сюэчжэнь вышел наружу.

Школа Наполненных Созвездий была великой обителью. Все эти годы Чжао Чжэньчжэнь щедро осыпала её золотом и ресурсами из запасов своей родительской семьи, благодаря чему секта процветала. Она уже начала затмевать Даосский дворец Спокойной Мудрости, постепенно превращаясь в сильнейший орден в мире практикующих, а число её учеников перевалило за сотни тысяч.

Но в прошлой жизни тысячелетнее наследие школы обратилось в прах. И виной тому была тайная сделка Хэ Чуншаня с демонами. После того как предателя изгнали, бразды правления принял Хэ Сюэчжэнь. Однако Фань Сюэпин, мастерски втиравшийся в доверие к людям, уже успел сколотить вокруг себя толпу верных прихвостней. К тому же покойный отец всегда благоволил младшему сыну и заблаговременно передал ему ключи от всех тайных архивов и священных сокровищниц секты. Пользуясь этим, Фань Сюэпин ставил Сюэчжэню подножку за подножкой, изматывая его бесконечными интригами. Некогда процветающий орден просто сгнил изнутри, растратив все силы на междоусобную грызню.

В этой жизни Хэ Сюэчжэню не нужна была власть над Школой Наполненных Созвездий, даже если бы её принесли ему на золотом блюде. Всё, чего он желал — держаться как можно дальше от Цуй Чжи, уберечь мать, деда и дядёв от неминуемой гибели, а также стереть с лица земли Хэ Чуншаня и Фань Сюэпина. Большого ему и не требовалось.

Он направился к тренировочным площадкам. Ученики, сновавшие туда-сюда, почтительно склонялись в приветствии. Вдруг среди общего гула раздался звонкий, добродушный голос:

— Младший брат Сюэчжэнь! Слыхал я, глава знатно тебя отделал. Ну как, оклемался?

Перед ним стоял Цю Хуало, старший ученик Первого старейшины, который приходился Хэ Чуншаню старшим братом по оружию. Не зря говорят: каков учитель, таков и ученик. Первый старейшина терпеть не мог несправедливость и ложь, и воспитанник его вырос точной копией наставника — честным, прямодушным и, признаться, немного простоватым парнем.

Его вопрос мог показаться насмешкой, но Хэ Сюэчжэнь отлично знал, что у того и в мыслях не было злорадствовать. Цю Хуало просто ляпал первое, что приходило в голову. Сюэчжэнь никогда не держал на него обиды. К несчастью, в его прошлой жизни, когда они вели войска на штурм Демонических Земель, этот искренний парень пал в бою одним из первых.

Видеть его сейчас живым, здоровым и улыбающимся было непривычно и до боли радостно. Хэ Сюэчжэнь почувствовал, как в груди шевельнулась тоска, но по своему обыкновению остался внешне холоден и сдержан. Он лишь слегка склонил голову:

— Благодарю за заботу, старший брат Хуало, всё уже позади. Ты только что вернулся в обитель?

— Да, — кивнул тот. — Ездил на днях почтить память родителей, только сегодня управился.

Цю Хуало лишился семьи ещё в раннем детстве — его отца и мать безжалостно растерзали демоны. К счастью, сироту подобрал Первый старейшина и воспитал как родного сына.

— Кстати, Сюэчжэнь, — заговорщицки понизил голос Хуало. — Я пока шёл, слышал, как младшие вовсю шумят. Похоже, скоро начнётся отбор учеников золотой ступени.

Этот отбор проводился раз в шестьдесят лет, и звание получали лишь шестеро лучших. Именно они в будущем должны были занять пустующие кресла старейшин, поэтому борьба за эти места всегда шла не на жизнь, а на смерть.

Цю Хуало так и горел предвкушением. Он был единственным преемником своего мастера, и проиграть этот отбор означало бы покрыть имя учителя несмываемым позором.

Хэ Сюэчжэнь согласно прикрыл глаза:

— Действительно. Твоё мастерство неоспоримо, старший брат. Уверен, ты легко добьёшься своего.

Но в прошлой жизни всё сложилось иначе. Одно из заветных мест по праву принадлежало Цю Хуало, однако Хэ Чуншань бесстыдно подыграл своему любимчику Фань Сюэпину. Слеплённый несправедливостью, Хуало в гневе наговорил лишнего, за что немедленно схлопотал суровое наказание от главы ордена. До самой своей безвременной кончины он так и остался рядовым внутренним учеником, так и не унаследовав мантию своего наставника.

— Ну, я тоже так думаю! — самодовольно хмыкнул Цю Хуало, пристраиваясь рядом с Хэ Сюэчжэнем. — Если прикинуть силы наших лучших бойцов, то места на золотой ступени должны достаться нам двоим, старшему брату Пинцзяну, старшей сестре Юньцяо, младшей сестре Шэнь Хун и младшему брату Ичжи. Мы — сильнейшие в этом поколении...

Хэ Сюэчжэнь слушал его вполуха.

В этот момент им навстречу высыпала шумная толпа учеников. В самом центре шёл хрупкий, миловидный юноша, весело болтая и смеясь со своими спутниками.

Это был Фань Сюэпин.

Заметив Хэ Сюэчжэня, компания притихла и вежливо поклонилась. Фань Сюэпин виновато прикусил губу и с самым робким видом пролепетал:

— Старший брат Сюэчжэнь... Я прослышал, что учитель наказал тебя из-за меня. Как твоё самочувствие? Я так боялся, что ты всё ещё сердишься, что даже не осмелился навестить тебя в твоих покаях.

«Сержусь?» — мысленно усмехнулся Хэ Сюэчжэнь.

Как же искусно этот змеёныш умел переворачивать всё с ног на голову, на глазах у всех выставляя своего соперника злобным и мелочным завистником.

Но Сюэчжэнь больше не был тем вспыльчивым глупцом, каким его помнили. Он прекрасно понимал, что сейчас его сил недостаточно, чтобы сокрушить и ушлого Фань Сюэпина, и властного Хэ Чуншаня. Действовать нужно было тоньше, исподтишка.

Он сделал шаг вперёд и мягко сжал ладонь Фань Сюэпина. Тот от неожиданности заметно напрягся. Сюэчжэнь же, напустив на себя скорбный вид, со вздохом произнёс:

— Ну что ты, младший брат Сюэпин, как я могу винить тебя? Это я, твой старший брат, оплошал. Не сумел уберечь тебя и остальных учеников от беды.

Толпившиеся вокруг адепты Школы Наполненных Созвездий, поражённые столь благородным великодушием, наперебой принялись его утешать:

— Старший брат Сюэчжэнь, ну зачем ты так? Твоей вины тут нет!

— Вот именно! Если бы не твоё вмешательство, мы бы вообще из того ущелья живыми не выбрались!

Хэ Сюэчжэнь сокрушённо покачал головой:

— Нет, вина лежит на мне. Хоть я и знал, что младший брат Сюэпин уже не раз спускался с горы, мне следовало лично предупредить его, насколько опасны личи-демоны. Из-за моей

оплошности он по неосторожности разворошил их гнездо, подставив под удар стольких соучеников.

Личи-демоны нападали огромными стаями. Одолеть одиночную тварь не составляло труда даже для новичка, но если на заклинателя обрушивался весь рой, спастись было почти невозможно. Молодые адепты ордена, чья культивация ещё находилась на начальных ступенях, всегда за версту обходили их владения.

Прямодушный Цю Хуало тут же нахмурился и сурово взглянул на провинившегося:

— Погоди-ка, младший брат Сюэпин. Пусть Сюэчжэнь и смолчал, но ведь старейшины на утренних лекциях плешь нам проели этими предостережениями! Да и ты не первый день в пути, какой-никакой опыт должен быть. Зачем тебя вообще понесло к этим личи-демонам? Если бы не подоспевший Сюэчжэнь, вы бы там все полегли из-за твоей глупости!

Окружающие притихли, и взгляды, устремлённые на Фань Сюэпина, мгновенно изменились.

Поскольку многие водили с ним дружбу, открыто обвинять его никто не решался, но в глазах соучеников теперь читалось явное неодобрение и укор. Фань Сюэпин сразу это почувствовал. На самом-то деле он прекрасно знал об опасности, но пошёл на риск ради спасения своей тайной любимицы — воробьиного демона Линьюй. К тому же он рассчитывал, что сильный и влюблённый по уши Хэ Сюэчжэнь в любом случае вытащит его из беды. «Подумаешь, раздули трагедию на пустом месте! Все же вернулись целыми и невредимыми!» — мысленно злился он.

Опустив голову, Фань Сюэпин обиженно зашептал:

— Я виноват... Всё из-за моей лени и нерасторопности. Я лишь зря обременял тебя заботами, старший брат Сюэчжэнь. Пожалуйста, не держи на меня зла, хорошо?

Подавив омерзение, Хэ Сюэчжэнь ласково похлопал его по плечу:

— Полно тебе, младший брат Сюэпин. Мы ведь адепты одной школы, делим одну судьбу. Разве могу я сердиться на тебя? Полно себя корить.

Фань Сюэпина так и передёрнуло от приторной заботы. Он попытался высвободить ладонь, но портить сцену при свидетелях не посмел. С натянутой улыбкой ему пришлось стоять и провожать взглядом Хэ Сюэчжэня, который удалялся под восторженный шёпот и похвалы соучеников.

Стоило им отойти на приличное расстояние, как Цю Хуало покачал головой:

— Сюэчжэнь, ты к нему излишне добр. Без хорошей трёпки этот юнец никогда не поумнеет, а в будущем это может стоить ему жизни.

Сюэчжэнь слегка прикрыл глаза и едва слышно прошептал:

— Старший брат Хуало, я открою тебе одну тайну. Только поклянись, что она останется между нами. Фань Сюэпин на самом деле — внебрачный сын моего отца. Мой единокровный брат.

Цю Хуало так и застыл с полуоткрытым ртом.

Хэ Сюэчжэнь устремил на него ясный, чистый взор:

— Молчи об этом, умоляю. Если матушка прознает и устроит отцу скандал, в нашей обители живого места не останется.

Он грустно улыбнулся:

— Пускай отец и поступил с матерью подло, но этот мальчик ни в чём не виноват. Я правда стараюсь видеть в нём младшего брата. Как у меня рука поднимется наказать его?

Цю Хуало, едва переварив услышанное, выдохнул:

— Но откуда тебе это известно?

— В Городе Изогнутой Ширмы всё ещё живут старые слуги семьи Фань. Навести справки было делом нескольких дней.

Ничтожный папаша годами тщательно вычищал любые следы происхождения своего бастарда, однако в прошлой жизни Хэ Сюэчжэнь прожил больше века и в конце концов докопался до правды: Фань Сюэпин происходил из захудалой семьи Фань, некогда обосновавшейся в Городе Изогнутой Ширмы.

Проводив Цю Хуало до поворота, Сюэчжэнь поймал на лету почтового бумажного журавлика. Голос отца-предателя велел ему немедленно явиться в главный зал заседаний.

Призвав меч, Хэ Сюэчжэнь взмыл в воздух и направился к главному пику. Приземлившись перед входом в зал, он обменялся приветствиями с караульными и уверенным шагом вошёл внутрь.

Он ожидал тяжёлого разговора с главой ордена наедине, но никак не думал встретить там ещё одного гостя.

Цуй Чжи.

Что этот человек здесь забыл? В прошлой жизни его появление на этом этапе не планировалось.

Цуй Чжи стоял подле возвышения, на котором восседал Хэ Чуншань. Заметив вошедшего, гость устремил на него пристальный взгляд. Юноша обладал безупречной, завораживающей красотой, но держался отстранённо и холодно, а в глубине его глаз сквозило упрямство. Обликом своим он до мельчайших черт походил на юного Небесного императора Тайбай Ина — немудрено, что в прошлой жизни Хэ Сюэчжэнь потерял от него голову с первого же взгляда.

Но на сей раз Хэ Сюэчжэнь лишь скользнул по нему безразличным взглядом. Шагнув к отцу, он сложил ладони в вежливом приветствии:

— Приветствую главу ордена. Могу ли я узнать, по какому делу был вызван?

Этот лицемерный старик обожал разыгрывать спектакли на людях, требуя, чтобы родной сын при посторонних обращался к нему исключительно как рядовой ученик.

Хэ Чуншань помрачнел:

— Твоя мать только что заявила мне, будто ты желаешь расторгнуть помолвку с племянником Цуй?

«Племянником?» — мысленно хмыкнул Хэ Сюэчжэнь.

С тем самым «племянником», который, едва успев связать себя узами брака, тут же переметнулся к постороннему человеку и относился к законному супругу хуже, чем к цепному псу?

Сюэчжэнь испытывал лишь глубокое презрение. В каждом перерождении судьба сталкивала его с очередным жестоким негодяем, в чьём теле теплилась частица души Тайбай Ина. Как-никак, владыка Небесного воинства всегда перерождался выдающимся мужем, и Цуй Чжи не стал исключением. Иначе с какой стати главе процветающего ордена отдавать единственного наследника за отпрыска давно увядшей и обедневшей семьи Цуй?

И всё же от этого «племянника» из уст отца за версту несло фальшью.

Заметив молчание сына, Хэ Чуншань вспыхнул:

— Отец ждёт ответа!

Хэ Сюэчжэнь медленно поднял голову, смело встретив яростный взгляд мужчины:

— Глава ордена изволил жестоко наказать меня всего пару дней назад. Но едва я переступил порог, вы даже не поинтересовались моим здоровьем, а сразу принялись осыпать упрёками. Боюсь, я растерян и не знаю, как отвечать на подобный приём.

Хэ Чуншань на секунду смешался, почувствовав укол совести перед гостем, и поумерил пыл:

— Твой наречённый, едва прознав, что ты едва не погиб на охоте, без промедления помчался к тебе из самых Срединных земель. А ты встречаешь его заявлением о разрыве помолвки! Школа Наполненных Созвездий никогда не славилась вероломством и неблагодарностью. Ты не имеешь права так подло поступать с человеком.

Будь Хэ Сюэчжэнь посмешливее, он бы расхохотался отцу прямо в лицо. Главный предатель и изменник во всём ордене сидел прямо перед ним на судейском кресле и с умным видом разглагольствовал о верности. Поразительное бесстыдство!

Прежде чем Сюэчжэнь успел вставить слово, заговорил Цуй Чжи:

— Дядя Хэ, позвольте нам с Сюэчжэнем побеседовать наедине.

Хэ Чуншань кивнул и, уходя, бросил сыну строгое:

— И без дерзостей!

Когда тяжёлые двери зала захлопнулись, Хэ Сюэчжэнь неторопливо заложил руки за спину и с самым невозмутимым видом повернулся к гостю:

— Ну, выкладывай. Я слушаю.

Цуй Чжи сверлил его взглядом.

Придя в себя после разрушительного взрыва истинной энергии, он потрясённо осознал, что перенёсся на добрую сотню лет назад. Тот факт, что Хэ Сюэчжэнь в безумной ярости решил увлечь его за собой в могилу, застал Цуй Чжи врасплох и оставил множество вопросов без ответов. Едва открыв глаза в прошлом, он поспешил в Школу Наполненных Созвездий, чтобы проверить, уцелел ли его бывший супруг и не разделил ли он его участь перерождения. Ему требовались объяснения.

Цуй Чжи сделал шаг вперёд, его глаза холодно блеснули:

— Сюэчжэнь, ты тоже переродился?

Хэ Сюэчжэнь лишь изобразил вежливое недоумение:

— О чём ты вообще говоришь?

Цуй Чжи помедлил, а затем негромко спросил:

— Ты ненавидишь меня?

«Ненавижу?» — эхом отозвалось в мыслях Сюэчжэня.

Для ненависти нужно хоть какое-то чувство. А сейчас ему было попросту всё равно.

<http://bllate.org/book/18268/1750892>